

* Встреча с интересным человеком

**Лариса Филипповна
КЕРЦЕЛЛИ,**
заведующая книжной редакцией
литературоведения в Главной
редакции восточной литературы
издательства «Наука».

Автор книг, которые сразу привлекли к себе внимание широкого читателя: «Тверской край в рисунках Пушкина» и «Мир Пушкина в его рисунках».

Изданные с отменным вкусом «Московским рабочим», обе эти книги — итог многолетней исследовательской и творческой работы Л. Ф. Керцелли. Они открывают новые страницы удивительной пушкинской неисчерпаемости. А это не может не интересовать каждого из нас. Ведь Пушкин для всех всегда свой — близкий, родной, необходимый нам.

Лариса Филипповна Керцелли продолжает работу над пушкинской темой. Пожелаем ей — нашей землячке, жительнице города Пушкино — новых открытий.

ПУШКИ РАСКРЫВАЮТ ТАЙНЫ

— Лариса Филипповна, все мы питаем большой интерес к жизни и творчеству Пушкина. Но ведь обычная любознательность — это одно, а исследовательская работа, да к тому же еще широкое обнародование результатов поисков с собственной интерпретацией фактов — совсем другое. Тут не то что смелость — дерзость нужна. Особенно в пушкинистике, где исследователей, и все с солидными, громкими именами, казалось бы, предостаточно. Как же это вы... осмелились?

— Я и не осмеливалась. Меня в свое время почти насильно заставил обратиться к этому мой муж, художник Юрий Леонидович Керцелли, который был одним из соавторов проекта Государственного музея А. С. Пушкина в Москве, а впоследствии, после открытия музея в 1961 году, — участником создания всех новых его экспозиций и выставок. До 1975 года — до последних дней своей жизни Юрий Леонидович теснейшим образом был связан с этим музеем, в залах которого экспонировалась и первая «пушкинская» выставка его живописных и графических работ — «По пушкинским местам Калининской и Псковской областей».

Имея дело с музеями, Юрий Леонидович никогда не ограничивал свою деятельность только ролью художника-проектировщика и оформителя. В 1970 году, когда начал работать над созданием Большого Пушкинского кольца в Калининской области, пушкинских музеев в селе Бернове и городе Торжке, он скрупулезно изучил относящиеся к данному пушкинскому периоду документы: мемуары и дневники современников, письма друзей и рукописи поэта. По мнению специалистов, он стал незаурядным текстологом, краеведом, пушкинистом. И это не только позволило ему воссоздать обстановку и атмосферу пушкинской эпохи в берновском и торжокском музеях, но и привело к ряду подлинных открытий. В одном из безымянных дотеле женских профилей, например, так щедро разбросанных в черновиках поэта, Юрий Леонидович узнал абрис пленительной Катеньки Вельяшевой, адресата известного пушкинского стихотворения «Подъезжая под Ижору». Потом обнаружил неизвестные портреты приятеля Пушкина Алексея Вульфа и президента Академии художеств, директора императорской Публичной библиотеки Алексея Николаевича Оленина, к дочери которого, Анне Алексеевне, Пушкин сватался и к которой обращен целый цикл его замечательных лирических стихотворений.

Со свойственной ему убежденностью и мягкой настойчивостью Юрий Леонидович пытался и меня заставить заниматься поиском, но я поначалу решительно сопротивлялась.

— Почему?

— Потому что понимала — этому надо посвящать всю жизнь. Без остатка. Этим надо жить постоянно, изо дня в день, погружаясь в рукописи, в поиски, в документы эпохи, в сомнения и отчаяние.

— И в радости тоже?

— Да. И в радости находок. Но радость мгновенна, удовлетворение приходит только на миг, когда работа закончена, а ему предшествуют долгие, долгие месяцы, а то и годы сомнений и — да, отчаяния. Все это я не столько, правду говоря, знала тогда, сколько чувствовала, понимала. А у меня и в то время была, как и сейчас, очень сложная, трудоемкая и ответственная работа — заведование книжной редакцией литературоведения в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука». И к тому же я писала прозу, публиковала свои рассказы. Да и заботы хозяйственные никто не снимал с меня, хотя муж помогал во всем. Как же я могла спокойно согласиться взвалить на себя еще одно тяжелое бремя?

— И все же...

— И все же, как видите, взвала. Когда в 1971 году Юрий Леонидович узнал в двух рисунках Пушкина на листе с черновым вариантом стихотворения «Предчувствие» портреты Грибоедова и мне предстояло проделать ответственную текстологическую и палеографическую работу, я уже безраздельно отдалась ей, целиком поглощенная открывшейся перспективой.

Когда появилась рисунки? Почему именно на этом листе? Что побудило Пушкина их нарисовать? И так далее, и тому подобное.

Оказалось, что два эти пушкинских рисунка — последние прижизненные изображения Грибоедова. Портреты сделаны в последние дни перед отъездом Грибоедова из Петербурга в Персию летом 1828 года и отражают не веселое, омраченное тяжелыми предчувствиями настроение его, которое прекрасно почувствовал и передал в своих рисунках Пушкин. Многие современники вспоминали впоследствии о том, как печален и сумрачен был Грибоедов перед отъездом в Персию. Да и сам Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум» вспоминает: «Я расстался с ним в прошлом году, в Петербур